

**E. L. Nitoburg. Russian immigration in the U.S.A.
as reflected in American statistics**

The Russian diaspora in the U.S.A. has emerged due to three major waves of immigration over the period of more than 100 years. The article deals with the quantitative and qualitative features of the immigration, with the specifics of the American immigration statistics and the term «Russians» as used in it as well as with the evolution of the legislation on immigration in the U.S.A. in the context of changing priorities in the American home and foreign policy in the 20th century.

© 1999 г., ЭО, № 4

О.Е. Казьмина, Н.В. Шлыгина

**ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ
ИНГРИИ И ЕЕ РОЛЬ В ЖИЗНИ
ФИННОВ-ИНГЕРМАНЛАНДЦЕВ**

Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии имеет долгую и непростую историю. Как известно, в 1617 г. по Столбовскому мирному договору Россия отдала Швеции южное побережье Финского залива, Карельский перешеек и Северное Приладожье. Вся эта территория в договоре была названа Ингерманландией, что терминологически соответствовало финскому «Инкери» и русским «Ингрия», «Ижорская земля». Вскоре после этого Швеция, стремясь закрепить на захваченных землях, опустошенных войной и сильно обезлюдивших, начинает поощрять переселение туда финских крестьян, в первую очередь освобождением их от военной службы и налогов¹. Вместе с этими переселенцами, преимущественно из восточных районов Финляндии, на территорию Ингерманландии проникает лютеранство. Коренное же население этого края – воедь, ижорцы, карелы и русские – придерживалось православия, и по условиям мирного договора ему было гарантировано свободное исповедание своей веры.

Для лютеран на завоеванной территории поначалу действовали лишь армейские лютеранские пасторы, находившиеся при гарнизонах и в городах. Но с ростом числа переселенцев-крестьян появилась необходимость организации сельских приходов. В 1623 г. шведский король Густав II Адольф (1611–1632 г.) приказал разделить территорию Ингрии на приходы, направить туда священников и построить церкви. Рост лютеранских церквей и приходов шел быстро. В 1630 г. в Ингрии было всего 8 лютеранских церквей (в которых служили 6 пасторов), а православных – 48 (и всего 17 священников). К 1655 г. насчитывалось уже 58 лютеранских приходов, 36 церквей и 42 пастора (позже число приходов сократилось за счет их укрупнения)².

Приходы объединялись в два пробства: западное (Ивангородское) и восточное (Неванлинское). В 1642 г. их выделили в отдельную епархию, которую возглавил суперинтендент Х. Стахель (Стахелиус), занимавший до этого пост ассессора Нарвской консистории. Для успешной деятельности лютеранской церкви в Ингерманландии была создана прочная экономическая база: треть всех податей, которые взимала на этой территории шведская казна, шла на нужды церкви. Позже ввели особый церковный налог, который обязаны были платить все жители, в том числе и православные.

Число православных церквей при Х. Стахеле сократилось вдвое (в 1655 г. их оставалось всего 20³). Особым ударом по православной церкви стал запрет приглашать священников из России, на месте же не было условий для их подготовки⁴. В 1645 г. русским православным священникам под угрозой штрафных санкций было предписано учить своих прихожан катехизису Лютера. Наряду с этим им не разрешалось читать проповеди «по-фински» (вероятно, имелись в виду водский и ижорский языки), а за попытки обращения лютеран в православие даже грозила смертная казнь.

Видимо, именно в расчете на водь и ижорцев в Стокгольме в 1655 г. был напечатан катехизис Лютера на финском языке, но славянскими буквами. Для обращения местного населения в лютеранство предпринимались и другие меры: православные лишались права заниматься торговлей, быть судебными заседателями и т.д.⁵ Все эти притеснения привели к восстанию коренного населения, а затем и к русско-шведской войне (1656–1658 гг.), которая имела, по мнению историков, религиозный характер. В итоге она была русской стороной проиграна, что вызвало массовый исход из Ингерманландии православного населения – как русского, так и финноязычного (води, ижорцев, карел). В частности, из Кексгольмского погоста, по имеющимся данным, выселилось 4000 русских семей, в Дудергофе осталось лишь три или четыре русские семьи, а в Келтто (Колтуши) – ни одной⁶. Исследователи считают, что в целом из Ингрии ушло до трех четвертей коренного населения.

По окончании военных действий политика, направленная на обращение местных жителей в лютеранство, продолжалась, особенно в период деятельности суперинтендента Й. Гезелиуса-младшего, занимавшего эту должность с 1681 по 1689 г. и считавшего прозелитическую работу своей важнейшей задачей. По мнению Й. Гезелиуса, предусмотренные Столбовским мирным договором 1617 г. и Кардисским мирным договором 1661 г. гарантии для православного населения не относились к води и ижорцам, которых он, как и другие местные чиновники и пасторы, считал частью финского народа. Перешедших в лютеранство водь и ижорцев на 60 лет освобождали от уплаты подушного налога.

Наряду с этим генерал-губернатор Ингерманландии Г. Сперлинг запретил ижорцам и води посещать любые другие церкви, кроме лютеранских, и призвал их обращаться к лютеранским пасторам для крещения детей и выполнения других религиозных обрядов. Такая деятельность лютеранских пасторов и поддерживавших их местных чиновников вызвала недовольство населения. Нередки были случаи, когда, узнав о предстоящем приезде в деревню лютеранского пастора, водь и ижорцы прятались в лесах.

Столь решительная и жесткая политика лютеранской церкви и поддержка ее светскими властями объяснялись несколькими причинами. Местное население Ингрии, иноязычное и иноверческое, представлялось Швеции, стремившейся укрепить там свои позиции, ненадежным, а единая вера могла бы послужить, по мнению властей, определенным объединяющим фактором. Но наряду с этим нельзя упускать из виду, что Реформация и в самой Швеции проводилась в весьма жесткой форме, а короли, правившие в XVII в., в первую очередь Густав II Адольф и Карл X Густав (1654–1660), а в определенной мере и Карл XI (1673–1679), являлись ярыми приверженцами нового вероучения. Это было в немалой степени связано и с тем, что в XVII в. Швеция переживала период расцвета своего могущества и формирования абсолютистской формы королевской власти. Реформация позволила королю встать во главе новой церкви и лишить старую католическую церковь ее прежней роли, которая часто значительно превосходила королевскую. К тому же короли, проведя редукцию церковных земельных владений и пополнив доходами от них королевскую казну, обрели и экономическую опору для своих действий.

Возвращаясь к деятельности лютеранской церкви в Ингрии, напомним, что новое вероучение предполагало освоение его всем народом, в том числе и крестьянами. В идеале им следовало уметь читать духовную литературу. Конечно, в XVII в. эта установка была лишь программной. Известно, что даже многие сельские пасторы сами были не в ладах с грамотой. Тем не менее делались попытки проводить обучение населения (особенно подростков перед конфирмацией) основам веры. На территории Ингрии существовали школы, рассчитанные преимущественно на детей местного дворянства, духовенства, купечества и чиновничества, в Нарве и до шведского времени действовали как немецкая, так и русская школы. Причем первую из них горожане стремились сохранить и при шведах⁷. В 1642 г. Х. Стахель безуспешно пытался организовать в Нарве лицей, но уже в 1644 г. там стала действовать начальная

(«тривиальная») школа с двумя учителями. Преподавание в основанных шведскими деятелями школах велось преимущественно на латыни, реже на шведском языке, однако в материалах по Ингрии упоминается, что иногда в школах в начальном классе учили по-фински. В Ивангороде школу создали сами горожане. В Дудергофе по инициативе ливонского генерал-губернатора И.Б. Скютте была организована школа для детей местного прихода⁸. В Неванлинне в 1632 г. работала «педагогия», имевшая одного учителя, и в документах в 1634 г. упоминается и русская школа, а с 1680 г. – также и немецкая. «Педагогии», где обучение было рассчитано на один-два года, существовали также в Ореховце (там, кстати, школа работала и до шведов), Ямбурге, Копорье, Купаницах.

Высшее образование дети местных чиновников и священнослужителей получали в Тарту или Турку. За период шведской власти в Тартуском университете прошли обучение свыше 300 чел. из числа ижорцев, карел и финнов⁹.

Период шведского господства на территории Ингрии официально длился несколько больше столетия: с подписания в 1617 г. Столбовского мирного договора и до заключения Ништадтского мирного договора в 1721 г., завершившего Северную войну, в которой Россия разгромила Швецию. Однако практически Ингрия была освобождена русскими раньше – в самом начале XVIII в. При Петре I в 1708 г. территория Ингрии стала самостоятельной Ингерманландской губ., а с 1710 г. она вошла в состав Санкт-Петербургской губ.

Когда Ништадтский мирный договор закрепил права России на эту территорию (включая также западную часть Карельского перешейка и Северное Приладожье), основная масса переселившихся сюда в годы шведского господства финнов осталась на своих местах. Вместе с тем их доля в общем населении края начала быстро сокращаться. С одной стороны, сюда стали возвращаться прежние жители или их потомки, с другой – русские помещики переводили на розданные им земли своих крестьян из внутренних губерний России.

Впрочем, несмотря на эти события, местная лютеранская церковь практически не пострадала. О сохранении ее прав Петр I заявил еще в 1702 г., а затем это было подтверждено в мирном договоре 1721 г.

Следует отметить, что и в дальнейшем царский двор и непосредственно члены царской семьи оказывали местной лютеранской церкви значительную поддержку. Это было, в частности, связано с тем, что жены многих российских монархов до брака исповедовали лютеранство. Кроме того, некоторые царские резиденции находились в окрестностях Петербурга, где жило много финнов-лютеран. Так, дочь Петра I Елизавета, став императрицей, пожертвовала собственные деньги на возведение в Петергофе деревянной лютеранской церкви для местного финского населения. Павел I, еще будучи наследником престола, построил каменную церковь для лютеранского населения в Колпино и организовал первую финскую школу в Гатчине. По распоряжению Николая I были построены лютеранские церкви в Петергофе и Дудергофе.

В управлении Ингерманландской церковью тем не менее произошли существенные изменения. Нарвская консистория, в ведении которой при шведах находились лютеранские приходы Ингерманландии, в 1704 г. прекратила свое существование. После этого Ингерманландская церковь некоторое время подчинялась непосредственно российскому Сенату, а затем, с 1718 г., – созданной Петром I Юридической коллегии. В 1721 г. все дела Ингерманландской церкви (как и других религиозных объединений) перешли в ведение основанного Петром I Святейшего Синода. В 1727 г. при нем был образован Консистоциальный отдел Юридической коллегии по делам иноверцев. Стоявший во главе отдела прокуратор следил за тем, чтобы решения религиозных объединений не противоречили российским законам. В этом отделе главенствующую роль играли немецкие пасторы и основным официальным языком был немецкий. Такое положение объяснялось тем, что среди помещиков лютеранского вероисповедания в Петербургской губ. преобладали остзейские немцы. Кроме того, там возникли и немецкие колонии.

Официальное использование немецкого языка в Консistorиальном отделе не отражалось на внутренней жизни финских приходов: служба в церкви, а также внутренняя переписка велись на финском языке. Правда, до 1832 г., пока в Ингерманландской церкви продолжал соблюдаться шведский церковный закон 1686 г., церковные книги требовалось вести на латинском, шведском или немецком языках.

Вхождение в 1809 г. Финляндии в состав России на правах автономного великого княжества упростило контакты Ингерманландской церкви с финской и значительно облегчило ее деятельность. В 1820 г. по распоряжению Александра I в Петербургской консистории была создана должность руководителя Ингерманландской церковью. Им стал энергичный и образованный епископ из Порво (Финляндия) Сакари Сюгнеус. По его инициативе и под его руководством началась реорганизация работы церкви. Были установлены новые границы приходов. Для удобства управления приходы объединили в три пробства: Северную, Восточную и Западную Ингрию¹⁰. Повсеместно провели ремонт церквей. Священнослужителей, пренебрегавших своими обязанностями, а также плохо знавших финский язык, сместили. От пасторов строго требовалось ведение церковных книг, регистрирующих случаи смерти, крещения, а также прохождение конфирмации, оглашение в церкви браков, обряды венчания.

В каждом приходе действовал церковный совет. Быть его членом считалось почетным, и хотя формально эта должность считалась выборной, она часто переходила от отца к сыну. Ежегодно проводились собрания прихожан, на которых каждый двор представлял его дворохозяин. Результаты собрания отражались в отчетах, составлявшихся на немецком языке, и члены церковного совета подписывали его даже в том случае, если этого языка не знали. Пастора обычно выбирали, но иногда и назначали. Со второй половины XIX в. пасторами по большей части были выходцы из Финляндии. В Ингрию охотно ехали молодые финские священники, так как денежное довольствие пастора в Ингрии они получали в 3 раза выше, чем в Финляндии. Нередко пасторы имели и хорошее подсобное хозяйство: иные из них держали по 20–30 коров¹¹. Прихожане обязаны были отбатывать в хозяйстве пастора определенное число дней. Некоторые пасторы служили в Ингрии десятки лет, нередко и их сыновья затем начинали свое пасторское служение в этом крае.

Деятельность С. Сюгнеуса была связана еще с одним важным событием в истории Ингерманландской церкви: он стал инициатором и основным составителем нового церковного закона, сменившего шведский закон 1686 г. Новый закон был принят в 1832 г., уже после смерти С. Сюгнеуса, и издан на немецком языке, но с финским переводом.

Вскоре в России прошла реорганизация всей евангелическо-лютеранской церкви, которая была разделена на несколько епископств. Ингерманландская церковь подчинялась Санкт-Петербургскому епископству. В его руководстве господствующую роль играло местное немецкое духовенство, и лишь с 1883 г. в Домском капитуле (церковном совете при епископе) одно из мест ассессоров стало выделяться для Ингерманландской церкви. С 1880 г. параллельно с собраниями синода финские пасторы начали проводить собственные собрания, на которых рассматривались дела финских общин. Архиепископы Финляндии интересовались деятельностью Ингерманландской церкви и оказывали ей помощь.

В XIX в. Ингерманландская церковь стала уделять большое внимание культурно-просветительской деятельности, стремясь к тому, чтобы местное финское население не только ознакомилось с лютеранским вероучением, но и получило начальные знания грамоты. Как уже говорилось, существенную роль в этом сыграл епископ С. Сюгнеус. Он, в частности, установил постоянный контроль за деятельностью церковно-приходских и конфирмационных школ. В последних срок обучения определялся в две недели, а слабопевающие ученики должны были посещать занятия и третью неделю. От вступающих в брак требовались знание катехизиса и умение читать. С. Сюгнеус настаивал также на создании воскресных школ, которые позже (в 1870-е годы) получили широкое развитие. В начале XX в. в Ингрии действовало уже свыше 570 воскресных

школ, которые посещали до 16 тыс. учеников. В воскресных школах учили не столько основам лютеранского вероучения, сколько элементарной грамоте, причем на первых порах духовная литература и азбуки привозились из Финляндии. Лютеранские пасторы принимали весьма активное участие в развитии народного просвещения. Они организовали, в частности, много сельских народных школ, библиотек, занимались также распространением среди населения газет¹².

Образование пасторы получали преимущественно в Финляндии, часть их училась в Тарту и Риге, но со временем встал вопрос и о подготовке кадров в самой Ингрии. В 1863 г. в Колпино открыли семинарию, готовившую учителей, канторов (учителей музыки и регентов церковного хора) и органистов. Почти все выпускники семинарии работали в местных школах и церквях.

В это время литература на финском языке печаталась уже в Петербурге. Это были преимущественно народные календари и альбомы, книжки для детей, а также духовная литература. В губернии возникла и целая сеть финских библиотек (в конце XIX в. их насчитывалось 22) – частью при школах, частью при церквях. Книги и газеты для библиотек частично выписывались из Финляндии.

В конце прошлого века культурная жизнь сельского населения Ингрии сильно оживилась. В среде сельского финского населения действовали просветительское общество «Сойхту», Общество трезвости, гимнастические и другие спортивные объединения, певческие хоры и т.п. Несомненно, что местные финны в определенной степени восприняли настроения, которыми были охвачены жители самой Финляндии, переживавшей во второй половине XIX в. период бурного развития национального движения, проходившего под лозунгами борьбы за права финского языка и национальную культуру.

Следует упомянуть и о том, что пасторы Ингерманландской церкви проявляли немалый интерес к традиционному быту и обычаям местных жителей, причем не только финнов, но и малых финноязычных народов Ингрии – води и ижорцев. Их заслуги в изучении культуры этих этносов хорошо известны этнографам-финноугроведам¹³.

Необходимо сказать, что, несмотря на некоторую обособленность, в первую очередь из-за языкового и конфессионального барьера, Ингерманландская церковь все же испытывала определенное влияние извне, прежде всего со стороны местной немецкой лютеранской церкви. Эта церковь имела тесные связи с Прибалтикой, откуда поступало большое количество духовной литературы, в частности книги Мартина Лютера. В частности в Ингерманландской церкви, как и в немецкой, осенью проводился «праздник очищения», который не входил в ритуал финской церкви. Некоторое воздействие шло и со стороны православной церкви. Так, путешествовавший в 1820 г. по Ингрии немецкий теолог Ф.-В. Шуберт отмечал, что местные прихожане-финны во время службы в церкви в отличие от других лютеран не сидят, а стоят. Бросалось в глаза и то, что местные финны часто крестятся¹⁴ (для лютеран такая традиция не особенно характерна). Некоторое влияние православия на Ингерманландскую церковь ощущалось вплоть до октябрьских событий 1917 г. в России.

Перед первой мировой войной в Ингерманландии действовало 29 сельских и 4 городских прихода. После установления в России советской власти и получения Финляндией независимости контакты церкви Ингрии и Финской евангелическо-лютеранской церкви прервались. Самых же ингерманландских финнов в последующие десятилетия ждали тяжелые удары.

Согласно данным переписи 1926 г., в России жило 134,2 тыс. финнов, в том числе 115,2 тыс. так называемых ленинградских (т.е. ингерманландских) финнов¹⁵. До 1930-х годов они были сосредоточены преимущественно в Ленинградской обл. Уже в 1930 г. финны-ингерманландцы начали подвергаться массовым репрессиям. В 1930–1931 гг. репрессии, связанные с коллективизацией, коснулись всего многонационального населения Ленинградской обл., в том числе и финнов. Лиц, признанных кулаками, либо расстреливали, либо высылали в различные районы Советского Союза – от

Кольского п-ва до о. Сахалин. Часто выслались и их семьи. В 1935–1936 гг. была проведена акция по «очищению» пограничной с Финляндией 50-километровой зоны, откуда финнов как «ненадежный контингент» выслали во внутренние области России. В 1937 г. на финнов, как и на все население страны, обрушилась новая волна сталинского террора.

Преследования финнов, еще оставшихся в районах своего давнего расселения, а также служивших в армии, продолжались и в годы второй мировой войны. В 1942 г. появились указы «Об изъятии из действующей армии военнослужащих финской национальности и переводе их в рабочие колонны НКВД» (т.е. в концлагеря) и «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пограничных районов Ленинграда». В это время значительная часть Ленинградской обл. уже была оккупирована немцами и оттуда, по договоренности немецких военных оккупационных властей с финляндским правительством, 63 тыс. финнов-ингерманландцев (в основном женщины и дети) вывезли в Финляндию. Подавляющее большинство их (приблизительно 55 тыс. чел.) после войны вернулось в СССР. Однако возвратившихся из Финляндии в их родные деревни не пустили, а расселили небольшими группами в Новгородской, Псковской, Калининской, Ярославской, Вологодской и других областях. Во второй половине 1950-х годов после амнистии ссыльных финнов значительное их число, не получив возможности вернуться в родные места, переселилось в Эстонию и Карелию.

Начиная с 1920-х годов для Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии, как и для других религиозных организаций России, наступили трудные времена. Вскоре после октябрьского переворота церковь понесла значительный материальный урон: были реквизированы земли, выделенные пасторам, здания церковных школ и библиотек, кассы для бедных, часть церковной утвари (купели, подсвечники и пр.). Прихожане, желавшие посещать церковь, обязаны были подавать соответствующие заявления. Церковь оставалась действующей лишь при наличии определенного числа таких заявлений. Обучение детей закону Божьему в школах и при церкви сначала было объявлено добровольным (только для желающих), а затем и запрещено. Дети могли знакомиться с вероучением только дома, причем небольшими группами. До 1936 г. еще работали «бibleйские», или «немецкие», курсы, готовившие пасторов, но потом и они были закрыты.

В начале 1930-х годов в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г. о религиозных объединениях финны еще могли проводить свои молитвенные собрания, пользоваться определенным церковным имуществом (которое, впрочем, считалось национализированным и находилось на учете соответствующего городского совета, районного или волостного исполнительного комитета), назначать церковных служителей. Тем же постановлением религиозным объединениям запрещалось иметь кассы взаимопомощи для материальной поддержки бедных, содержать дома для престарелых, открывать библиотеки, а также бibleйские, литературные, рукодельческие и другие общества и кружки. Быть членом религиозной общины разрешалось только с 18 лет. Общине собрания религиозных общин могли проводиться лишь с разрешения представителей исполнительной власти¹⁶. Религиозные организации облагались такими налогами, что часто не могли их выплатить. В результате таких рестрикционных мер многие храмы Ингерманландской церкви оказались закрытыми. Быстро сокращалось и число пасторов: одни из них были арестованы или высланы, другие, будучи гражданами Финляндии, предпочли уехать домой. Во второй половине 1930-х годов оставался лишь один пастор – С.И. Лауриккала (сейчас его имя носит учебный центр церкви, расположенный в д. Колтуши Всеволожского р-на Ленинградской обл.), однако в 1937 г. и он уехал в Финляндию. Перед этим ему пришлось провести несколько месяцев в тюрьме за то, что он выписал из Финляндии духовную литературу, не получив соответствующего разрешения от властей. В 1938 г. была закрыта последняя церковь.

В годы, когда Ингерманландская церковь официально не существовала, церковная

жизнь велась нелегально. Верующие тайком собирались на квартирах, на кладбищах, совершали религиозные обряды, якобы отмечая дни рождения или собираясь на поминки. Особая роль в проведении такой негласной деятельности религиозных общин обычно принадлежала женщинам-проповедницам. Некоторые финны, сохраняя в душе свою веру, посещали православные храмы либо баптистские молитвенные дома.

Возрождение Ингерманландской церкви началось на рубеже 1960–1970-х годов. Правда, первая церковная община финнов возникла в Петрозаводске еще в 1964 г., однако официально она была зарегистрирована лишь в 1970 г. Тогда же там состоялась и первая служба в церкви. Пастором общины стал Эльмар Куль из Эстонии, а с 1975 г. его сменил также приехавший из Эстонии пастор Пауль Саар. В 1975 г. была создана лютеранская община в Колтушах (Келтто), которая сперва проводила молитвенные собрания в обычной избе. В том же году возникла и община в Пушкине (служба там с самого начала шла на двух языках: финском и русском). Образовавшиеся финские лютеранские общины входили в Эстонскую евангелическо-лютеранскую церковь.

В 1987 г. начал свое служение первый пастор из числа ингерманландских финнов – Арво Сурво, получивший духовный сан в Таллине. Уже с 1989 г. он и другие религиозные деятели начали предпринимать попытки возродить самостоятельную Ингерманландскую церковь. Осуществлению этих планов способствовал принятый в 1990 г. Верховным Советом РСФСР закон «О свободе вероисповеданий». В 1990 г. было создано самостоятельное Ингерманландское пробство, находящееся под юрисдикцией эстонского архиепископа. В том же году финские общины приняли решение об образовании отдельной церкви, а в 1992 г. это решение подтвердило собрание пробств Эстонской церкви. В 1993 г. Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии была официально зарегистрирована. Еще ранее, в октябре 1992 в упоминавшейся выше д. Колтуши освятили первую построенную после 1917 г. финскую лютеранскую церковь.

В настоящее время церковь Ингрии возглавляет епископ, при котором действуют Церковный совет и Церковное правление. Постоянное местопребывание епископа – в Санкт-Петербурге.

Восстановленной ингерманландской церкви пришлось ориентировать свою деятельность на иную ситуацию, чем та, которая существовала до 1920–1930-х годов. Изменилась не только численность финнов, но и характер их расселения, а также уровень сохранности традиционной культуры, в том числе и языка.

По переписи населения 1989 г., финнов в СССР (примерно 90% их составляли ингерманландские финны) насчитывалось лишь 67,4 тыс. чел.¹⁷ Таким образом, их число по сравнению с 1926 г. уменьшилось почти вдвое. Наряду с гибелью людей в ходе упомянутых репрессий к сокращению численности финнов вели также и смешанные браки. Когда финны в период до их реабилитации вступали в смешанные браки с русскими, эстонцами, карелами и др., их дети, как правило, записывались не финнами, поскольку запись «финн» в паспорте в графе «национальность» в те времена нередко вызывала предвзятое отношение к человеку.

Депортации и другие насильственные перемещения 1930–1950-х годов, а также более поздние, уже добровольные миграции существенно изменили расселение финнов. По данным переписи населения 1989 г., финны были в основном сконцентрированы в Карелии (18,4 тыс.), Ленинградской обл. (11,8 тыс.), самом Ленинграде (5,5 тыс.) и в Эстонии (16,6 тыс.). Кроме того, почти 25% финнов (15 тыс.) оказались дисперсно расселенными почти по всей территории б. Советского Союза¹⁸, но ни в одном (кроме отмеченных выше) субъекте Российской Федерации, как и в других районах СССР, их не насчитывалось более 1 тыс. чел.

Годы вынужденных скитаний сказались и в том, что многие финны не знают (или забыли) родной язык. До войны практически все финны – во всяком случае сельское население – в быту говорили по-фински. Те, кто принадлежит к старшему поколению, еще и учились в финских школах (они были закрыты в 1937 г.), некоторые успели даже закончить техникумы с преподаванием на финском языке. К концу же

1980-х годов (по переписи 1989 г.) 54,6% живших в СССР финнов родным языком считали русский. В связи с этим в Ингерманландской церкви приходится в ряде случаев вести службу на русском языке, а в числе ее пробств наряду с территориальными (Петербургским, Карельским и Уральским) выделено и «языковое» – Русское. Самое крупное пробство – Петербургское объединяет 19 приходов. В него входят приходы Санкт-Петербурга и Ленинградской обл., кроме Волосовского прихода и Санкт-петербургского прихода св. Михаила. Карельское пробство объединяет девять приходов. К Русскому пробству относятся пять приходов: приход св. Михаила в Санкт-Петербурге, Волосовский приход в Ленинградской обл., а также приходы, находящиеся в Москве, Борисоглебске (Воронежская обл.) и Нижнем Новгороде. Так называемому Уральскому пробству подчинены четыре прихода: в Йошкар-Оле, Саранске, Омске и Красноярске¹⁹.

Общая численность зарегистрированных членов Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии составляла в 1997 г., по оценке ее епископа Аарре Куукауппи, 15 тыс. чел., но лиц, так или иначе участвовавших в приходской жизни, было в 2–3 раза больше²⁰. Наибольший рост численности прихожан пришелся на 1990–1992 гг., после чего она в ряде общин Ленинградской обл. стала постепенно сокращаться из-за отъезда местных финнов в Финляндию.

Мы не будем пытаться давать прогнозы о дальнейшем развитии церкви Ингрии и остановимся в заключение лишь на двух вопросах: что именно способствовало столь быстрому ее возрождению в годы перестройки и что изменилось в характере церкви по сравнению с дореволюционным периодом.

Причины стремительного роста ее приходов интересовали не только российских, но и финляндских исследователей. Среди известных нам работ наиболее глубоким представляется исследование К. Юлёнен «Подъем церкви Ингрии по окончании коммунистической власти»²¹, основанное на обширном полевом материале, собранном в приходах Ленинградской обл., Санкт-Петербурга и Карелии в 1990-е годы. Мы располагаем и некоторыми собственными материалами опросов прихожан, проведенных в Москве и Ленинградской обл. в 1996–1997 гг.

Наши выводы совпали с результатами К. Юлёнен. Основные мотивы массового вступления российских финнов в церковь Ингрии – это стремление вернуться к традиционной лютеранской вере и чувство обретаемого в этой церкви этнического и языкового единения²². Впрочем, опрашиваемые называли и другие причины. Некоторые испытывали потребности чисто религиозного характера, тем более что многие ранее получили религиозное воспитание в семье или в кругу родных. До восстановления Ингерманландской церкви часть верующих ходила, как уже отмечалось, в православные храмы или баптистские молитвенные дома. Другие, у которых была такая возможность (например, жившие в Эстонии и Ленинградской обл.), посещали эстонские лютеранские церкви. Молодые люди, в частности, ездили в Эстонию для прохождения конфирмации. Среди прихожан старшего поколения встречаются люди, в прошлом безразлично относившиеся к вере. В молодости они не интересовались вопросами религии и придерживались атеистических взглядов, которые господствовали тогда в обществе и прививались в школе. Но с течением времени, возможно и в связи с перенесенными трудностями и лишениями, эти люди стали искать духовную поддержку в религии.

Конечно, не следует забывать, что возрождение церкви Ингрии пришлось на то время, когда в стране наблюдался подъем интереса населения к религии и росла численность последователей и других конфессий. Существенную роль сыграло и то, что К. Юлёнен называет социальными причинами («социальной гипотезой»), – стремление встречаться с людьми, имеющими за спиной сходное прошлое, которое их объединяет, определяет наличие аналогичных интересов и настроений. Кстати, это совпадает и с нашими личными наблюдениями. Возможность таких встреч особенно важна для людей, живущих в больших городах, где личностные контакты финнов ограничены из-за дисперсности их расселения, а в некоторых случаях (как, например, в Москве) и в

результате малочисленности. Впрочем, эта потребность ощутима и в районах более компактного расселения финнов. Именно чувство «сопринадлежности» влечет в церковь, прежде всего в дни больших праздников, людей, которые не принадлежат к церковной общине или даже не считают себя верующими.

Для многих прихожан имеет значение то, что при церквях для детей ведутся занятия по катехизации, организуются курсы финского языка. Для людей старшего поколения немаловажно и то, что им оказывается особое внимание, а по возможности и материальная помощь.

Интересно отметить, что в настоящее время ингерманландские финны гораздо более привержены церковности, чем финны Финляндии. Этот вопрос затронула в своей работе К. Юлёнен, располагавшая сравнительным материалом. Так, если в Финляндии лишь 4% опрошенных сказали, что ходят в церковь каждую неделю, то среди ингерманландских финнов каждое воскресенье посещали церковь 74%. Из числа опрошенных в Финляндии только 41% прихожан молились раз в неделю, а среди ингерманландских финнов молившихся ежедневно оказалось 73%, раз в неделю – 7%, нерегулярно – 15%. Более половины опрошенных ингерманландских финнов не реже чем раз в неделю пели псалмы или духовные песни, 21% читали Библию или молитвенник ежедневно, 31% – раз в неделю, 43% – нерегулярно. Из финнов же Финляндии часто читали Евангелие лишь 10%²³.

По сравнению с дореволюционным периодом в характере церкви Ингрии многое изменилось. К. Юлёнен считает, что теперь это церковь «меньшинства», в то время как в прошлом она была национальной (или этнической) церковью²⁴. Это, конечно, не совсем точное определение происшедших изменений. Финны и до революции были в Петербургской губ. этническим меньшинством. Даже в районах их наиболее плотного расселения – на Карельском перешейке – доля финнов в начале века не достигла 50%. Другое дело, что тогда практически вся паства церкви Ингрии состояла из финнов и была финноязычной.

Сейчас мы можем говорить о некоторой «деэтнизации» этой церкви, связанной в частности с приходом в церковь Ингрии (особенно в начале 1990-х годов) людей других национальностей (в основном русских). Впрочем, установить число прихожан-нефиннов весьма сложно по той причине, что в соответствии с принятыми в церкви нормами, национальность прихожан обычно не регистрируется. Однако в приходе св. Марии в Петербурге она отмечена в личных карточках прихожан. Там, по данным К. Юлёнен, 79% членов церкви составляли финны, 19% значились русскими и 2% приходилось на долю карел, эстонцев и представителей других национальностей. Однако среди названных 19% русских большая часть (11%) была выходцами из смешанных финно-русских семей²⁵. «Деэтнизация» вызвана также сознательной миссионерской деятельностью Ингерманландской церкви. Эта деятельность направлена в первую очередь на финноязычные народы России и поддерживается Финской евангелическо-лютеранской церковью, которая выступает со странными, ничем не обоснованными утверждениями, что принятие православия рядом финноязычных народов будто бы было для них «неестественным» и что все финноязычные народы должны быть лютеранами. Особенно активные миссионерские усилия церковь Ингрии предпринимает в Карелии среди карел. Там уже действуют ее приходы для местных финнов. Кроме того, видимо, предполагается, что языковая близость карел и финнов, а также активные карельско-финляндские контакты будут способствовать успешной миссионерской работе. Эта деятельность действительно принесла некоторые результаты, и какая-то часть карел примкнула к церкви Ингрии. Попытки же прозелитизма в Мордовии (для данной цели даже издали перевод Евангелия на мокшанский язык) пока малоуспешны. В республике удалось создать лишь один приход Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии численностью приблизительно в 60 чел. (он подразделяется на мокшанскую и эрзянскую общины)²⁶.

Другая и очень существенная сторона «деэтнизации» связана с языковой проблемой. Как уже говорилось, люди младшего и среднего поколений финского языка

обычно не знают или знают его плохо. Чтобы и этой части прихожан дать возможность понимать проповедь, служба во многих церквях проводится дважды: сначала на финском, а затем на русском языках. Русский признается наряду с финским официальным языком церкви Ингрии. К сложившемуся двуязычию церковь относится как к объективному явлению. В то же время церковь способствует освоению прихожанами финского языка, организуя курсы по его изучению и т.п.²⁷ В инациональных общинах в богослужении используются также и другие языки: карельский, мокшанский, эрзянский. Однако можно предполагать, что возможности распространения лютеранства на территориях, где издавна укоренилось православие, весьма невелики.

Для самих же ингерманландских финнов воссоздание церкви Ингрии в период их окончательной реабилитации (когда они были признаны народом, пострадавшим от насильственной депортации) и возрождения традиционной культуры, несомненно, сыграло и продолжает играть весьма важную роль.

Примечания

¹ Подробнее см.: Шлыгина Н.В. Возникновение финских поселений на территории Ингрии // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1996. № 5.

² Haltsonen S. Entistä Inkeriä // Tietolipas 36. Helsinki, 1965. S. 24–30.

³ Ibid. S. 30.

⁴ Saloheimo V. Väestökehitys vuosina 1623–1643 // Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, 1991. S. 71.

⁵ Haltsonen S. Op. cit. S. 25, 29.

⁶ Ibid. S. 30.

⁷ Väinänen K. Koululaitos ja kirkollinen kansanopetus // Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. S. 97.

⁸ Ibid. S. 99.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Haltsonen S. Inkerin suomalaisten historia. Helsinki, 1969. S. 158.

¹¹ Ibid. S. 163–164.

¹² Йокими М. Период расцвета ингерманландцев // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 206.

¹³ Haltsonen S. Entistä Inkeriä. S. 110–118; Nevalainen P. Luterilainen kirkko kansallisena yhdistäjänä Inkerinmaalla // Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. S. 162–163.

¹⁴ Haltsonen S. Inkerin suomalaisten historia. S. 159.

¹⁵ Центральное статистическое управление СССР. Отдел переписи. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XVII. Союз Советских Социалистических Республик. Отдел I. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М., 1929. С. 38.

¹⁶ Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. Кн. 1. М., 1995. С. 307–310.

¹⁷ Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 24.

¹⁸ Там же. С. 24, 36, 62, 64, 140.

¹⁹ Inkerin ev-lut. kirkon keskushallinto ja seurakunnat. 1.01.1997. S. 6–16.

²⁰ Данные получены в личной беседе с епископом Аарпе Куукауппи.

²¹ Ylönen K. Inkerin kirkon nousu kommunistivalan päätyttyä. Jyväskylä, 1997.

²² Ibid. S. 286–287.

²³ Ibid. S. 204–205.

²⁴ Ibid. S. 165–166.

²⁵ Ibid. S. 133.

²⁶ Кроме того, в Мордовии действует приход Эстонской евангелическо-лютеранской церкви.

²⁷ Ценю живую веру... Интервью с викарием Церкви Ингрии Аарпе Куукауппи // Церковь Ингрии. 1993. № 3–4. С. 5–6.

O. E. Kazmina, N. V. Shlygina. Evangelical-Lutheran church of Ingria and its role in the life of Finnish Ingermanlanders

Evangelical-Lutheran church of Ingria, the authors note, has a long and involved history. Under the 1617 Stolbov peace treaty Russia gave Sweden the southern coast of the Gulf of Finland, Karelean isthmus and northern Ladoga area. In the treaty the territory was called Ingermanland (the Russians called these lands as Izhora land, or Ingria).

The article considers major landmarks of the Lutheran church activities in Ingria up to the present.